Памяти Севера Гансовского

Сергей Снегов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Небольшой очерк о жизненном и творческом пути советского писателя-фантаста Севера Феликсовича Гансовского. Опубликован в сборнике «День гнева» (М.: «Молодая гвардия», 1991), стр. 53-74 .

- Сергей Снегов
  - 1
  - 2
  - 3

Сергей Снегов
Памяти Севера Гансовского

1

Фантастическая литература в нашей стране в последние два — три года вступила в бурный рост. Общая обстановка общественной перестройки — раскованность мышления, освобождение от застарелых идеологических шор — сказались в фантастике, пожалуй, и резче, и ярче, чем в других областях художественной литературы. В период застоя фантастика была под прессом запретительных мер. Для недалеких чиновников, командовавших литературой, любое фантастическое произведение виделось подозрительным, если не прямо опасным. Фантастика, нацеленная либо на будущее, либо на необычность в настоящем, в принципе отрицает наличную обыденность. Живописуя фантастическое, почти невероятное, она выводит сознание из созерцания рядового быта и факта в царство вымысла и свободной мысли. Фантастика по природе своей наиболее интеллектуальная отрасль литературного творчества, ибо всегда содержит попытку осознания новых, еще не описанных возможностей. И, естественно, больше всех иных отраслей литературы несовместима с душной атмосферой общественного застоя.

Именно поэтому она преследовалась и искоренялась. С трудом допускалось то, что называлось фантастикой научной, а под наукой подразумевались лишь изобретения и открытия не дальше скудного технического прогресса. Фантастика без особой фантазии — таково было требование к узкому кругу допущенных в печать писателей. Нередко подвергалась сомнению и правомочность самого такого названия — научная фантастика. Я сам слышал на съезде писателей РСФСР, как С.В.Михалков, сказав в обширном докладе буквально несколько слов о советской фантастической литературе, вдруг оторвался от писанного текста и заявил:

— Между прочим, я не понимаю этого странного термина — научная фантастика. Если она фантастика, то причем здесь наука? А если научная, го какое отношение к ней имеет фантастичность?

Неудивительно, что в такой душной среде подвергся гонению и на несколько лет был запрещен к печати классик нашей фантастики Иван Ефремов, писатель широкой эрудиции и глубокого философского ума.

Однако никакие преследования фантастики в издательствах, полное игнорирование ее в официальной критике не могли заглушить у читателей неизменного к ней интереса. Она всегда

оставалась любимейшим жанром художественной литературы — особенно у юных читателей, жадных ко всему необычайному, ко всему, выводящему чувство и мысль за межи окружающей обыденности. Человеку, только приступающему к самостоятельному творению собственной жизни, жгуче важно знать, что ждет его в грядущем, каково оно вообще будет, это загадочное грядущее, а художественный ответ на такой вопрос могла дать только фантастика, для которой будущее — одна из любимых тем, к тому же трактуемая в форме сюжетно увлекательных повествований. И несмотря на официальные гонения на этот жанр, все больше появлялось молодых писателей, самозабвенно творящих фантастические произведения. В большинстве случаев авторы работали «в стол», а не для печати. Я хорошо помню, какое уныние охватывало нас, старых писателей, когда мы встречались с начинающими даровитыми авторами на ежегодных, так называемых, «малеевских семинарах молодых фантастов» и в кружках фантастики в разных городах, читали и рецензировали их произведения, признавали их вполне достойными напечатания, обещали авторам соответствующую таланту известность у широкого читателя, а про себя знали, что не будет выхода к читателю, что почти никому не удастся преодолеть запретных барьеров, поставленных свирепой цензурой. Всего, если не ошибаюсь, было проведено восемь ежегодных семинаров молодых писателей фантастики, достойных опубликования произведений признали, по крайней мере, на двадцать-двадцать пять талантливых книг, но ни один сборник этих произведений так и не увидел в те годы света.

Все это, надо надеяться, ныне в прошлом. Положение в фантастике радикально переменилось. Одно ВТО — Всесоюзное творческое объединение молодых фантастов — при «Молодой гвардии» издает в год по несколько десятков сборников, многочисленные издательские кооперативы в Москве, Ленинграде и других городах добавляют к этим еще десятки своих изданий советских и зарубежных фантастов — библиотека фантастики, освобожденная от жестокой цензуры, полнится с каждым месяцем. И соответственно, молодые писатели, ранее творившие ночами после кормившей их основной работы, обычно не связанной с писательским трудом, становятся писателями-профессионалами, забрасывают все остальные занятия, кроме единственно важного — свободно создавать новые художественные произведения. В результате быстро складывается новая советская школа фантастики, со своим художественным стилем, со своим идейным характером, вполне претендующая на то, чтобы стать особым, своеобразным явлением в мировой

фантастической литературе. И хотя эту молодую советскую школу фантастики, пока еще тяготят детские хвори разных, чаще всего придуманных, а не реальных направлений, взглядов и вкусов, но все более определяются новые мастера жанра, по одной силе своего таланта становящиеся выше мелочных дрязг местничества и мышиной грызни искусственно противостоящих течений. Новая художественная советская фантастика, все более освобождающаяся от должности служанки идеологии и узко партийных мнений, складывается как отрасль общемирового искусства, соединяющая в себе разнообразие творческих стилей и своеобразных лиц ее творцов.

Эйфория, вызванная внезапным бурным ростом фантастики, невольно заставляет обращать основное внимание на молодые творческие фигуры, нетерпеливо возникающие перед глазами. Но настоящее искусство никогда не бывает сборищем Иванов, не помнящих родства. Никакие новые достижения не отменяют успехов, завоеванных в прошлом, но только становятся в их ряд. Шекспир не отменил Еврипида, Пушкин не опроверг Шекспира и Гете, Маяковский с Пастернаком не затенили Пушкина и Лермонтова. Новые успехи молодой советской фантастики основываются на достижениях тех, кто в труднейших условиях несправедливой цензу-ры и унифицированной идеологии создавал фундамент того, что ныне вправе называться особой советской школой фантастической литературы.

Видным представителем таких предшественников и фундаторов современного бурного развития советской фантастической литературы является замечательный, до сих пор не оцененный в полную меру своих заслуг, писатель Север Феликсович Гансовский.

2

В XX столетии в нашей стране мало кто из старшего поколения может похвастаться безмятежной биографией. Но того конгломерата бед и лишений, какие выпали на долю Севера Гансовского, судьба удостаивает только особо отмеченных. В написанной им, сдержанной по тону автобиографии, он отмечает только основные события, почти не комментируя ни чувств, ни обстоятельств места и времени — я постараюсь кое-что восполнить, черпая из того, что он сам мне рассказывал.

«Я, Гансовский Север Феликсович, — пишет он, — родился 15 декабря 1918 года в городе Киеве. Мать, Элла-Иоганна Ивановна Мей, была дочерью зажиточной латышской крестьянки, училась в гимназии в Либаве (Лиепая). С отцом, Феликсом Павловичем Гансовским, наполовину русским, наполовину поляком, она встретилась в Петрограде в 17-м году. Его я не помню, он умер в 20-м году. В этом же году мать со мной и моей сестрой перебралась в Петроград к родным. Работала кондуктором, вагоновожатым — мы с сестрой ездили вместе с ней в трамвае маршрута № 10. Он ходил в Ржевку, и там в те времена действительно росла рожь. Потом мать окончила курсы счетоводов, после них — курсы бухгалтеров, вышла замуж, и мы, дети, стали жить у тетки с бабушкой. Мать присылала из разных городов деньги, в 1938 году умерла».

Надо пояснить сообщение о том, что детей — десятилетнего мальчишку и его сестру — забрала бабушка, а мать сперва посылала деньги из разных городов, а потом умерла. Север Феликсович рассказывал мне, что его мать не просто уезжала из Ленинграда в другие города, а была выслана во время великих ленинградских репрессий середины тридцатых годов, потом арестована, а в 1938 году расстреляна в тюрьме. Я спрашивал, почему он умолчал о такой трагедии, он отвечал, что ему страшно даже вспоминать, что его мать, далекую от политических схваток тех лет, так жестоко покарали только за то, что она представлялась классово чуждой по происхождению, к тому же женой репрессированного второго мужа. Он бледнел и сжимался, вспоминая через сорок лет ужасную судьбу своей матери, — можно понять, какой мучительный, какой неизгладимый отпечаток положила эта трагедия на душу впечатлительного мальчика.

«Учился я в 20-й средней школе Куйбышевского района, — продолжает Гансовский автобиографию. — В 1933 году с грехом пополам окончил семь классов. Поехал в Мурманск — там были

знакомые, работал матросом, электромонтером, грузчиком. В 1937 году решил поступить в Морской техникум в Ленинграде, но из-за нерусской фамилии, вероятно, не прошел мандатную комиссию. С горя отдал документы в Ленинградский электротехнический техникум на Васильевском. Кончил отличником два курса, понял, что не люблю эту специальность. Ушел из техникума, работал опять грузчиком, монтером и ходил в вечернюю школу для взрослых. В армию в положенный срок меня не взяли — думаю, что снова из-за фамилии. В 1940 году поступил в ЛГУ на филфак. Проучился год, началась война. Тут уж на фамилию не обращали внимания, просто пришел во двор университета, где формировалось народное ополчение, и отправился на фронт».

И опять в краткой сводке событий самостоятельной жизни юноши Гансовского нет того, что наполняло эту жизнь драматическими переживаниями. Пятнадцатилетний мальчик не просто уехал в Мурманск искать работы, а бежал после высылки матери из охваченного репрессиями Ленинграда, чтобы самому не угодить в ссылку, а в Мурманске попутно добыть несколько лет рабочего стажа, гарантирующего иной социальный статус. Современному юноше непонятны такие термины, как лишенец, социально чуждый элемент, сын репрессированного, но в годы юности Гансовского они определяли все возможности жизни. И накопив три года рабочего стажа, то есть перейдя в иное социальное положение, молодой Гансовский с радужными надеждами возвращается в Ленинград. Но тут встает новое — и неожиданное — препятствие — неблагонадежная фамилия. В устных рассказах Севера Феликсовича отчетливо звучало то, что лишь упомянуто в написанной автобиографии, — овладевшее им тогда отчаяние, чувство обреченности — всегда оставаться человеком не только второго сорта, но хуже того — вообще нежеланной для общества человеческой категорией. И вступление в ополчение, после отказа призыва в армию, Гансовский воспринимает с облегчением, — теперь он снова как все, допущенные к вольному существованию люди.

Война была общей трагедией всего советского народа, частной трагедией каждого фронтовика. Север Ган-совский внес в нее и свои особенности. Он пишет: «Часть нашу — 169-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон — разбили скоро. Попал в новую, такую же недолговечную. Осенью 41-го года на подступах к Ленинграду отступали, держались, снова отступали — незначительная контузия, легкое ранение в счет не шли. Присоединился к морской пехоте, воевал под Ораниенбаумом, возле нового Петергофа. В конце августа был

ранен посерьезней. Лежал в госпитале в университете, в здании исторического факультета. Оттуда, уже „законно“, в составе 4-й морской бригады КБФ пошагал на Невскую Дубровку. Там было чрезвычайное происшествие. Приданная бригаде рота, сформированная из уголовников, во время атаки пошла сдаваться в плен. Мы стреляли по ним. Прибыла потом комиссия, построила тех, кто после боя остался в строю, стали на выдирку беседовать. Обнаружили мою польскую фамилию, имя, сказали, что должен ехать в Киров, где формировалась тогда польская армия. Мне неловко стало перед товарищами. Киров-то из Невской Дубровки выглядел санаторием — попросил остаться. Тогда было приказано в краснофлотской книжке переделать национальность с поляка на русского — им и являюсь. Через несколько дней в новой атаке был тяжело ранен. Блокадная зима 1942 года прошла в госпитале. В марте вывезли в Тюмень, там зимой 42-го демобилизовали по инвалидности. Так кончилась для меня война — отвоевал ее в пехоте и морских частях рядовым».

Но если фронт для молодого инвалида кончился сравнительно благополучно, то другие жизненные испытания пошли густым строем. Еще не вполне оправившийся от наскоро залеченных ран, будущий писатель метался по Сибири в поисках посильной работы и защиты от голода, царствовавшего во всем тылу. И хоть физических сил оставалось не густо, неистощимая жизненная энергия принуждала почти непрерывно менять места обитания — своеобразный рудимент того, что в иное, более благополучное, время называлось «ветром дальних странствий». Он со сдержанным юмором так описывает свои тогдашние географические скитания. «Въезда в Ленинград тогда не было. Взял направление в Узбекистан. В Фергане поступил было в Московский институт восточных языков, проучился несколько месяцев и решил поехать в Алма-Ату, где был тогда филфак Московского университета. Но заболел тифом, оголодал, пошел работать почтальоном в совхоз № 1 НКВД под городом. Был там год. Надоело. Был и учителем семилетки, потом поехал в горы, на конный завод № 55 „Дегерез“. Был там секретарем конной части, ездил по табунам зиму и лето, жил в юртах, все время верхом. Но уже шел 1945 год, Россия была освобождена, по селам местные девушки и женщины пели: „Голубчик ты мой, возьми меня с собой!“. Всех тянуло на запад, начинался обратный исход инвалидов и эвакуированных в родные места. Но в Ленинград пропуска все не давали. Захотелось к морю, решил посмотреть Одессу. Добрался туда, провел в Одессе два года, то там, то здесь работая как инвалид 2-й группы, но больше тянул на пенсии. В

47-м заскучал по Ленинграду, решил возвратиться в университет. Родные, кто был, погибли в блокаде. На старой квартире вселившиеся туда соседи дали мне присланные по адресу две похоронки на меня — одна, с Невской Дубровки, до сих пор сохранилась. Вдруг нашлась сестра. Она воевала, теперь была больна и с маленьким сыном. Снова стал студентом, к стипендии пришлось прирабатывать грузчиком. А с 1949 года начал печатать в газетах статьи и рассказы».

Последняя фраза в автобиографии, звучавшей в этой части как исповедь, а не только как сводка обязательных сведений о себе, особо знаменательна: Гансовский делает, вероятно, самый крупный поворот в своей жизни — становится писателем. Все жизненные обстоятельства подталкивали именно к такому решению своей судьбы: во-первых, огромный жизненный опыт, накопленный в жизненных передрягах до войны, во время войны и особенно в послевоенных скитаниях по разрушенной, оголодавшей стране — этим опытом, которого с лихвой хватило бы на десяток, а не на одного, жгуче хотелось поделиться с другими людьми; и во-вторых, молодого инвалида всегда тянуло к литературе, он с жадностью читал, мечтал о литературе не только как о профессиональном занятии, но как, что было еще важней, о духовном самовыражении, о единственном способе донести до всех те мысли, те чувства, те надежды, которые бурно наполняли его самого.

И студент Ленинградского университета Север Гансовский, рекомендованный в аспирантуру, отказывается от научной карьеры, оставляет без защиты уже написанную диссертацию «Исторические романы Говарда Фаста», бросает предложенную чиновничью должность и весь погружается в литературную работу — пишет очерки, рассказы, рецензии, одноактные пьесы, которые неоднократно получают премии на конкурсах. Сперва все это — чисто реалистические произведения, некоторые — особенно одноактные пьесы — в той лакировочно-парикмахерской манере, которая получила наименование «социалистического реализма». Но все больше Гансовским овладевает тяга к фантастической литературе, она постепенно становится главной, а потом и единственной темой его литературного творчества.

Для такого поворота к фантастике были важные социальные психологические предпосылки.

Гансовский в который раз остро сталкивался с проблемой, искусственно и безжалостно раздуваемой сталинизмом, — проблемой национальности.

С чувством глубокой горечи, с сознанием творимого ему и

миллионам таких, как он, жестокого, ничем не оправдываемого оскорбления, он так пишет об этом в очерке, выразительно названном «Государственная неполноценность»:

«Шел февраль 1953 года. В стране после первых арестов „убийц в белых халатах“ с целью отделить „чистых“ от „нечистых“ негласно проводилась кампания „по установлению истинной национальности“. Воздух тогда повсюду сгустился, в нем зависла напряженность, ожидание катастрофы. На улицах, в учреждениях люди замолчали. Только по коммуналкам шепотом передавали слухи, будто в Ленинграде и других крупных городах уже приготовлены составы, чтобы вывести евреев, поляков, полуполяков, латышей и всяких такого же сорта инородцев в дальневосточную тайгу… Народ к этому времени был окончательно разделен на две части. Принадлежность к первой, малой, делала данное лицо всегда и во всем правым. Отнесенные к части второй, включавшей едва ли не всю нацию, были постоянно виноваты. Прежде всего в том, что плохо стараются расплатиться за величайшее, только советским людям выпавшее счастье иметь такого руководителя, как Сталин. Каждый на своем рабочем месте обязан был сознавать, что в ответ на ниспосланное ему сверху почти божественное благо он не делает все, что надо. А если делает, то не так, и по справедливости должен когда-нибудь понести наказание — может быть, вплоть до расстрела… В счет не шли героизм на прошедшей войне, отлично выполняемая работа, талант, совесть… На банкете в честь победы Генералиссимус произнес двусмысленный, с усмешечкой тост за долготерпение русского народа. Тотчас существенным для выживания сделалось быть или числиться чисто русским. Однако, если в анкете были пометки „состоял“, или „имел колебания“ или, к примеру, тетку, родившуюся на бывшей румынской территории, они отбрасывали владельца испачканного документа неизвестно куда».

В этом сильно написанном горьком документе прояснены давние причины того неистовства национальных распрей, недалеких от прямой гражданской войны, которые раздирают сегодня наши окраинные республики. Национальная политика сталинизма, гонение на нежеланные ему народы, высылка целых республик с родных искони мест, разделение наций на низшие и высшие — создавали почву для глухой внутренней вражды, которая теперь проявляет себя жестокими национальными раздорами.

Гансовский продолжает свою исповедь:

«С 47-го года, когда вернулся в университет, постоянно привыкал к мысли, что низший сорт. И привык, понимал, что

виноват во многом. В том, что не комсомолец и не член партии, что имя-фамилия не русские, что родился в городе, а не в селе — тогда особую цену получили выходцы из деревни как наиболее близкие к народу — и в том даже, что во время войны не дошел до Берлина, а демобилизовался в сорок втором».

Гансовский получил повестку, вызывающую в милицию для выяснения «истинной национальности». «Допрос в кабинете вел майор, примерно моего возраста, крепкий, широкоплечий. Когда нагибался, выдвигая ящик стола, или тянулся к телефону, на груди тихонько звякали боевые ордена».

Гансовский с мрачным юмором описал картину допроса:

«— Твоя фамилия — Гансовский?

— Да, Гансовский.

— Тебя звать — Север?

— Север.

— Отчество — Феликсович?

— Да.

— А в паспорте — русский. Как же так?

— Ну и что? Не африканец, не индеец. Родился в России. Все мозоли, все шрамы местные, потому что жил, работал, воевал здесь и нигде больше. Родной язык — русский, только на нем говорю и думаю. Раз такое положение, меня же никакая другая нация в свои не примет. Куда же мне податься, ответь?

— Но подожди! Твоя фамилия — Гансовский?

— Гансовский.

— Звать — Север, отчество — Феликсович. Какой же ты русский?

— А кто я?

— Вот это и надо выяснить».

В ходе дальнейшего выяснения майор узнал, что латышка бабушка Гансовского вышла замуж за цыгана, что мужем матери, полулатышки-полуцыганки, был полуполяк-полурусский и что в крови самого Севера смешались гены латыша, цыгана, поляка и русского, — и совершенно растерялся: какую же национальность внести ему в пятую графу анкеты допрашиваемого?! И еще он узнал, что среди прочих мест на фронте Гансовский воевал и на Невской Дубровке, самом кровопролитном пункте Ленинградского фронта, был там тяжело ранен, получил орден Отечественной войны, несколько медалей, имеет и две похоронки, потому что его, вынесенного с поля боя без сознания, сочли погибшим, — и уже не растерялся, а растрогался. Боевое сердце майора не могло не почувствовать родного товарища в человеке с непонятной национальностью. И еще погоняв Гансовского по разным местам в поисках нужных документов, он

потом набрал по телефону номер и доложил своему начальнику, закончив:

«— Считаю, что если солдат стал русским во время блокады в сорок первом на Невской Дубровке, значит, так и есть.

На далеком конце провода держались, однако, иного мнения. Майор начал разговор сидя, а теперь стал подниматься, выпрямляясь. Долго слушал, потом сказал:

— Но я, товарищ полковник, уже закрыл дело. Отпустил человека.

Снова что-то гневное неслось из важного кабинета. Лицо майора окаменело. Стоя в положении „смирно“, он лишь изредка вставлял:

— Понятно, товарищ полковник… Слушаю, товарищ полковник… Никогда, товарищ полковник…

Опустил наконец трубку, сел, посидел, глядя в стол. Затем поднял голову.

— Все в порядке. Иди… И не думай больше об этом. Счастливо.

И я пошагал через мост к университету, чтобы успеть на последнюю лекцию».

Счастливо наконец утвержденная душевным майором «истинная национальность», которую биологически гарантировала лишь четвертая часть имевшихся в теле генов, положила конец загадкам происхождения, мучившим писателя-инвалида. И во многом определила его влечение к фантастической литературе, самому интернациональному, самому свободному от националистических предрассудков художественному жанру мировой литературы. Герои его главных произведении прежде всего просто люди с общечеловеческими лучшими чертами, с тем, что называется «человечностью», а конкретная их биологическая национальность скорей формальное название, а не существенная черта характера. И это вполне совпадает с природой и духом фантастической литературы.

Почти сорок лет Север Гансовский работает как писатель, с каждым годом приобретающий все большую популярность у широкого, особенно у молодого, читателя. Каждый год-два появляются его рассказы и повести в разных сборниках и авторских книгах.

Перечислю только главные напечатанные им книги, не включая отдельные брошюры с одноактными пьесами и очерками.

1. «В рядах борцов», рассказы. Детгиз. 1951 г.
2. «Надежда», рассказы и повесть. 1955 г.
3. «Шаги в неизвестное». Детгиз, повести и рассказы. 1963 г.
4. «Шесть гениев», повесть и рассказы. Знание. 1965 г.

5. «Три шага к опасности», рассказы. Детгиз. 1969 г.

6. «Идет человек», повести и рассказы. Мол. гвардия. 1971 г.

7. «Человек, который сделал Балтийское море». Мол. гвардия. 1981 г.

8. «Инстинкт», повести. Мол. гвардия. 1988 г.

В 1967 году Север Гансовский был принят в Союз писателей СССР, но не как создатель фантастических произведений, а как автор военных рассказов и пьес (в приведенном списке их почти нет).

Севера Гансовского, автора почти десятка фантастических книг, широко известного писателя, ни разу не выпускало официальное издательство Союза писателей «Советский писатель» — видимо, по твердому убеждению тогдашних руководителей издательства, что фантастика стоит вне пределов художественной литературы.

Зато почти все книги Севера Гансовского переводились на иностранные языки и нашли своего читателя во многих странах.

3

Первые фантастические произведения Гансовского относятся к тому жанру, который называется научной фантастикой и даже уже того — научной фантастикой «ближнего прицела», то есть опирающейся на научные свершения довольно частного характера. Вначале их было трудно отличить от обыкновенного научно-популярного очерка, если не обращать внимания на важную творческую особенность писателя — они всегда художественны, в них всегда главным героем является человек, совершающий открытие, а не открытие само по себе. Даже в этих первых фантастических произведениях герой никогда не рисуется лишь деловой, научно-технической функцией с человеческой фамилией — это обычно своеобразный характер, живой человек среди жизненных обстоятельств места и времени. Главная особенность «большой» художественной литературы — человековедение — составляет отличительную характеристику письма Гансовского даже в первых, «чисто научных» произведениях.

Типичным в этом смысле является один из самых ранних рассказов Гансовского «Новая сигнальная». Солдат Коля Званцев видит «вещие» сны. Он вдруг превращается в приемник телепортируемых ему издалека чужих переживаний, молчаливых надежд и тайных действий разных людей на невидимом отдалении. Проблема психологического телесознания, естественно, из разряда чисто научных, недаром на этот рассказ откликнулись со своими оценками специалисты психологи, но и для писателя — и для читателя — еще важней сами герои рассказа — и Коля Званцев, внезапно превратившийся в ясновидца во время подготовки к бою и в бою, и старый крестьянин, и его глухонемая дочь, хитро замаскированные немецкие шпионы из местных жителей, и товарищи Коли, воспользовавшиеся его видениями для успеха в сражении, — рассказ воздействует на читателя и острым сюжетом, и четко выписанными характерами персонажей, а не только умело использованным явлением из разряда «научных проблем».

Еще острей зависимость технического открытия от характера героя видна и во всех дальнейших повестях и рассказах. Так в «Ослеплении Фридея» сам Фридей, многократный изобретатель разных механизмов, придумывает темновидение, умение различать предметы в полной тьме, но зато при дневном свете сам слепнет. Его товарищ Беккер пытается применить изобретение для военных целей ради наживы, но Фридей, узнав

об этом, уничтожает механизм темновидения, заодно погубив себя и покалечив Беккера. Изобретение ночного видения — кстати первые приборы такого рода реально разрабатывались еще во время войны физиками, которых я лично знал, а ныне приняты на вооружение в главных армиях мира — служит для писателя лишь отправной точкой для раскрытия двух борющихся характеров — бескорыстного изобретателя и корыстного приобретателя.

Точно так же в «Шагах в неизвестное», напоминающем известный рассказ Г.Уэллса «Новейший ускоритель», разряд шаровой молнии порождает у интеллигента Коростылева и уголовника Жоры ускорение всех их движений сперва в 300, потом в 900 раз. Они становятся практически невидимы для окружающих. Но все, что случается затем с ними, определяется различием их характеров. Коростылев выхватывает девчонку из-под колес паровоза, Жора уносится грабить магазины и банки, но затем, измученный собственной стремительностью, мчится к Коростылеву просить спасения от себя самого. Все действия совершаются в течение обычных тридцати минут, но для героев они растягиваются на десятки часов их мучений, совершенно особых у каждого.

Север Гансовский написал не один десяток рассказов, в сюжетной основе которых лежит какое-либо техническое изобретение, либо открытие, но само развитие сюжета в каждом представляет взаимодействие и борьбу разных характеров их героев. Человек в фантастических обстоятельствах — таково их литературное содержание. От этого строгого художественного канона «большой» литературы Гансовский никогда не отступает — и потому даже самые ранние его произведения являются продуктами настоящего искусства.

Но если он никогда не изменял законам художественности в своем творчестве, то его отношение к тем научно-фантастическим фактам, какие он делает отправной точкой сюжета, непрерывно и закономерно меняются — от восхваления и признания до критики и осуждения. Оценивая его литературное наследие в широком плане, можно сказать, что Гансовский начал с восхищения техническим прогрессом и постепенно пришел к мысли, что в современном его исполнении он способен принести больше горя для человека, чем радостей.

Такое категорическое суждение нужно дополнить важным разъяснением. Дело в том, что Гансовский никогда не выступает примитивным противником технологического развития. В наше время в литературе появились открытые враги НТР, современные продолжатели луддитов, — древних, XVIII века, разрушителей

машин в Англии. Гансовский с такими узколобыми людьми не только не имеет ничего общего, но, даже включая последние свои произведения, является их принципиальным противником. И в ранних, и в поздних его вещах чувствуется глубокое уважение к человеку, обладающему способностью к техническому творчеству, он открыто любуется его созданиями. Таков, например, рассказ «Идет человек», где пещерные люди, изобретая рог, имитирующий рев пещерного льва, спасают этим себя от уничтожения гигантскими свирепыми обезьянами. Или «Соприкосновение», где некий Коростылев создает способность дышать в воде, открывающую огромные возможности для расширения границ человеческого существования. Или «Пробуждение», где герой Пряничников, заглатывая изобретенную кем-то пилюлю, развивает дремлющие в нем таланты живописца, музыканта и математика. И даже если изобретение видимой пользы не приносит, как создание черного пятна, поглощающего все волны видимого спектра в одном из лучших рассказов Гансовского «Шесть гениев», то он все равно восхищается этим творением физика Георга Кленка, как образцом вдохновенных усилий гениального человеческого разума.

Таких примеров можно привести десятки. От начала своей писательской деятельности до последних вещей Гансовский неизменно восхищался творческими способностями создателя необыкновенных вещей, удивительных открытий, поразительных изобретений. Человек, умножающий активные силы природы, реализующий таящиеся в ней потенциальные возможности, — такова любимая главная тема всех фантастических произведений Гансовского.

Но изобретения человека — каждое плод его творческого гения — осуществленные начинают жить своей собственной жизнью, и эта их новая жизнь очень часто отлична от той цели, какую ставил перед собой их творец. Восхищение создателем необходимо должно соединиться с общей оценкой результатов его творчества. Индивидуальное любование изобретателем превращается в философское понимание последствий общего числа непрерывно творимых изобретений. Гениальный одиночка поглощается тем общим явлением эпохи, которое называется научно-технической революцией — НТР. И тут перед писателем раскрывается неожиданная картина. Тысячи создателей по-прежнему покоряют Гансовского силой своего интеллекта, но общий итог их деятельности — эта самая НТР — все больше вызывает в нем сперва мучительные сомнения, потом прямые опасения, наконец, открытую критику.

Эволюцию Гансовского в понимании НТР можно отчетливо

проследить в цепочке последовательно печатающихся его произведений.

Сперва он начинает с сомнения в практической нужности некоторых изобретений, хотя они сами по себе по-прежнему восхищают его своим остроумием и творческой изощренностью. Особенно это видно в рассказе «Электрическое вдохновение», который сам Гансовский считал настолько важным для себя, что несколько раз переиздавал в разных сборниках. Изобретатель гарантирует режиссеру театра, что при помощи излучения сконструированного им волнового прибора он вызовет в бездарной актрисе, играющей старуху-мать в «Бешеных деньгах» Островского, такое вдохновение, что она станет вровень с великими мастерами сцены. И точно, актриса играет вдохновенно и мастерски. Но потом выясняется, что волновой прибор тут ни при чем, он был даже не включен, а удивительный подъем у старой актрисы вызван счастливыми событиями у ее сына, а еще больше тем, что всегда ругавший ее режиссер — для облегчения испытания прибора — впервые похвалил ее перед спектаклем.

От сознания ненужности иных изобретений и открытий, хоть и неизменно являющихся успехом человеческого гения, Гансовский постепенно приходит к пониманию того, что одно дело — демонстрация творческих возможностей, совсем другое — результаты использования открытий и изобретений в повседневной практике. Не только ненужность, но и возможность прямого вреда таят в себе множество достижений человеческого гения. Это относится, прежде всего, к использованию их в военной области. И Гансовский, живописуя иные блестящие изобретения, кончает тем, что столь же изобретательно старается их уничтожить. Тема уничтожения результатов своего творчества самими героями в произведениях Гансовского становится очень важной. Так Георг Кленк в повести «Шесть гениев» (названной «Башней» при переиздании) ликвидирует поглощающее все излучения темное пятно, когда убеждается, что его замечательное достижение уже нацелились использовать в качестве военного средства. Так Фридей в «Ослеплении Фридея» уничтожает свой аппарат темновидения, а заодно и себя, чтобы не дать своему другу Беккеру извлечь выгоду из применения темновидения в военных действиях. Так в рассказе «Полигон» изобретатель, открывший телепсихологическое управление механизмами, уничтожает полигон, где производятся испытания машин с психокомпьютерами, а заодно гибнет и сам. А в рассказе «Восемнадцатое царство» гибнут вместе со своим изобретением люди, научившиеся командовать муравьями, собирая их в окрестности телеимпульсами в опасные воинственные стаи.

Таких примеров, где уничтожаются опасные разработки, сами по себе восхищающие как продукт высокого интеллекта и таланта, можно найти в произведениях Гансовского очень много.

Однако этот своеобразный прием — оценить самое вдохновенное изобретение по возможному вреду от его применения и потому заранее его уничтожить — в принципе весьма примитивен. Он годится — писатель это ясно понимает — только в редких случаях. В большинстве же всякий механизм и открытие, однажды порожденные, начинают дальнейшую жизнь и предотвратить вред от их практического применения не удается.

И тут Север Гансовский поднимается от живописания отдельных частных случаев до высот философского понимания действительности. Нельзя простым приемом, единоличным актом ликвидировать весь попутный вред, порождаемый неограниченным и зачастую безрассудным успехом НТР. Следовательно, нужно, по крайней мере, открыть на него глаза всему человечеству, предупредить всех людей, что успехи технологии несут не только очевидные всем блага, но и невидимые сразу опасности.

Так появляются новые, особенно ярко написанные произведения Гансовского.

В прекрасной повести «День гнева», вероятно, самом известном произведении Гансовского, развивается сюжет, в какой-то степени повторяющий знаменитый роман Карела Чапека «Война с саламандрами». Ученые биоконструкторы из чистой любви к творению новых живых организмов выводят породу крупных животных — отарков — со столь высоким интеллектом, что они быстро научаются по-человечески говорить, изучать науки и даже — это особенно подчеркивает писатель — осваивают такие сложные математические дисциплины, как теорию относительности. Вместе с тем, они не избавляются от грубых инстинктов, с охотой поедают друг друга и даже покушаются на людоедство. Естественно, человечество вступает с ними в борьбу и поначалу одерживает победу над бестиями, так неосторожно ими созданными «в день гнева». Но отарки, хитрые и изобретательные, удаляются в своеобразные резервации и, быстро там размножаясь, начинают свою охоту за людьми. Они захватывают и поедают нескольких персонажей повести. И автор книги предупреждает, что людям предстоит жестокая борьба за собственное существование с мыслящими зверьми, опрометчиво созданными в пароксизме вдохновенного творчества и теперь грозно выступившими против собственных создателей.

Не менее ярко показана опасность безмерной технизации жизни в повести «Три шага к опасности». В некоем обществе,

социальном продукте высокой НТР, люди полностью покидают автоматизированные производства, томятся от безделья, теряют все жизненные способности — только искусственные препараты энергины способны поддерживать их жизнедеятельность. И единственное заполнение свободного времени — предаваться в специальном месте, бывшем вокзале, оставшемся от времен, когда еще существовали какие-то поездки, восхитительному занятию, искусственно создаваемым сновиденьям, в которых люди посещают запретный мир, где можно не только бездельничать, но и работать. Один из любимых героев многих рассказов Гансовского со странным именем Пмоис организует в этом по своему совершенном, но бесконечно нудном обществе тайную группу для бегства в желанные, менее обеспеченные в быту запредельные страны.

Вершиной такого художественно-философского неприятия уродливого развития НТР является одна из последних повестей Гансовского «Часть этого мира». В ней он дает обширный простор воображению, создавая самое сложное сюжетное произведение. Общество достигло такого развития, что люди свободно меняются интеллектами и телами, почти каждый представляет собой не единичную личность, а целый их конгломерат и может соответственно называться многими именами. Лех, который одновременно Кисч, а также любимый Гансовским Пмоис, попадает к старому приятелю, тоже Кисчу, который вместе с тем и Лех и Пмоис, да еще и владелец двух сидящих на одной шее голов, причем одна из них, сыновняя, выращены им самим — в соответствии с техническими возможностями далеко ушедшей вперед цивилизации. В фундаменте этого общества — в буквальном смысле, то есть в обширном, полном механизмов, подземелье — расположена Схема, чудовищное переплетение машин, трубопроводов и кабелей. Схема — автоматизированный гигантский завод, творящий все достижения и обеспечивающий мучительные «удобства» копошащимся на его поверхности людям. Обстоятельства складываются так, что Лех — Кисч — Пмоис вынужден бежать из высокоцивилизованного общества и попадает в Схему, где его пытается спасти местная девушка Ниоль и преследует стража с грозным псом Бьянки, почти сказочным чудовищем. Многочасовые метания в безмерно запутанном, автоматизированном аду принадлежат к лучшим страницам из всего, написанного Гансовским. Их с полным основанием можно отнести к самым сильным образцам мировой фантастической литературы. Драматургические скитания многоличностного Леха завершаются выходом на природу и возвращением к нормальному человеческому существованию.

Прекрасная повесть «Часть этого мира» логически завершает тот раздел творчества Гансовского, который отдан типичной «научной» фантастике. Знаменательно само название повести — общество механизмов, общество автоматизированного существования, искусственная цивилизация роботов, целостно опекающая людей, — лишь часть нашего мира и далеко не лучшая его часть, возвещает читателю автор. И тем самым Север Гансовский из «певца НТР» превращается в ее критика. Уже в самой повести дается картина духовного возрождения многоличностного человека, когда он вырывается из тенет механизированного существования. Все становится простым и естественным в окружении простых вещей, существующих сами по себе, а не в качестве винтика автоматизированного мира. И Лех — Кисч — Пмоис освобождается от надоевшей ему многоипостасности — теперь он просто Лех. И загадочная Ниоль, мчавшаяся за ним в аду механизмов и трубопроводов, отныне только влюбленная в него девушка. И страж подземелий свирепый пес Бьанки превращается из грозного врага в мирного друга и слугу, крепко привязанного к бывшему беглецу, а ныне своему хозяину. А некий встреченный ими Грогор, ранее их выбравшийся из механизированного общества, с рвением отдается примитивному, запретному в машинной цивилизации искусству — выращивает овощи и плоды, сеет зерно, строит себе жилище.

С узкой «научной фантастикой» решительно покончено.

В последней своей книге «Инстинкт», вышедшей за три года до его смерти, Гансовский демонстрирует новую фантастику — не научную, не фольклорную, не мистическую, а свободную от всяких рамок и предписаний, не признающую никаких требований и запретов жанра. Его последние произведения — вольная мысль, переносящаяся из эпохи в эпоху при строгой реалистичности в описаниях окружающей обстановки.

В книге две повести — «Инстинкт» и «Побег». Первая начинается с того, что землянин-астронавт попадает на планету Иоакату. И обнаруживает, что там имеются нормальные крестьяне и горожане, являющиеся иждивенцами у гигантской машины, выдающей им единственную пищу — кашу «букун». Каша порождает у горожан инстинктивные действия — красить, строить, чистить, купаться в море, снова есть… Вся жизнь — повторение однажды предписанного. Город, потерявший импульс к новому, должен вымереть. Землянин обнаруживает, что в лесу имеется усадьба, где живет странным обществом тысяча избранных — раз в год на усадьбе господа меняются своим положением со слугами, слуги на год становятся господами,

господа на тот же срок — слугами. Такая периодически повторяемая общественная конверсия предохраняет от возможных революций и гарантирует избранным мирное существование. Землянин побуждает горожан к сопротивлению против вымирания. Его поддерживает горожанка Вьюра, тайный агент избранных. Вначале она пытается уничтожить землянина, потом влюбляется в него и спасает. Кормящая машина разрушена, спасающихся уводят в лес. Землянин возвращается на Землю, но тоскует по Иоакате и Вьюре. Инстинкт любви и желание помочь нуждающимся побуждают его вернуться на Иоакату.

Еще свободней фантастика в «Побеге». Некто в далеком будущем совершает страшное преступление — в пылу спора наносит другому пощечину. Его осуждают карой Агасфера — скитаться по разным сменяющимся временам и эпохам, нигде не находя постоянного пристанища. Но если Агасфер блуждал по разным странам среди разных народов только от смерти Христа, которому он отказал в глотке воды, до нашего времени, то при наказании героя повести учли все гигантские технические возможности грядущей цивилизации — преступника для начала отправили в одних трусах за несколько сотен миллионов лет в кембрийский период. Он много месяцев бодро шагает и плывет в мелководном Кембрийском море, затем переносится в меловой период. Одна за другой сменяются выразительно написанные сцены — герой попадает в Хмызник, на Бойню, где сражаются и погибают множество живых существ, встречается со страшнейшим из когда-либо существовавших хищников — тиранозавром, спасается и от других зверей, нападавших на него, но не избавляется от очередного переноса во времени, предписанного программой наказания за оплеуху. Новый Агасфер отдыхает на голой вершине спящего вулкана среди других дымящих и полыхающих гор. Но вулкан внезапно пробуждается и громовой взрыв переносит Агасфера, гарантированного свыше — из дальнего грядущего — от физического уничтожения, на несколько сот миллионов лет вперед, в XVIII век нашей эры, в Екатерининскую Россию, где он становится помещиком-вольнодумцем. Передовой по воззрениям помещик собирает окрестных мальчишек, обучает их, они быстро добираются до глубоких знаний, готовы уже изобрести атомную бомбу. Но такое опережение своего времени сулит уже не добро, а зло, во всяком случае, является недопустимым анахронизмом — нового Агасфера немедля возвращают в его натуральный век. И он с радостью узнает, что наказание кончилось и он может существовать в своем времени, не потрясая своими поступками другие эпохи.

Если говорить о литературной стороне повести, то она принадлежит к лучшим произведениям писателя — написана живо, ярко, захватывает разнообразием приключений героя, живописностью непрерывно меняющейся обстановки.

Еще на одну важную особенность творчества Гансовского мне хотелось бы обратить внимание читателя. Ибо именно эта особенность больше всего роднит его с общим характером «большой» русской литературы. Я говорю о роли природы в произведениях писателя. Ни для кого не секрет, что в фантастической литературе, особенно в западной, природа не принадлежит к числу значительных элементов повествования. Возможно, это объясняется тем, что почти все фантастические произведения строятся динамично, с диковинными приключениями, быстро меняющимися событиями, а природа чаще всего рисуется не сюжетно, а пейзажно, она статична, лишь мало меняющийся фон для действия, а не само действие. Имеет значение и то, что в фантастике чаще всего описываются высокомеханизированные общества будущего, вообще ослабившие былые связи с природой. Некий машинный мир звездолетов, автоматов, роботов — типичное окружение человека, почти единственного представителя былой живой природы в такой искусственной среде.

Но вся русская литература, и былая, и современная, немыслима без тесной связи с природой, без глубокого, внутреннего слияния с ней. От Пушкина и до наших дней природа в русской литературе не фон, не статичный пейзаж, а живой герой повествования. Только у писателей северных стран, особенно в гениальных созданиях Кнута Гамсуна, природа играет такую же главенствующую роль — божественный Пан, то лучший Друг, го хмурый противник человека, без общения с которым немыслим и сам человек. И эта особенность русской литературы очень зримо — особенно в последних, наиболее зрелых произведениях — представлена в творчестве Гансовского. В уже упомянутой повести «Три шага к опасности» Пмоис организует побег Леха и Ви с группой товарищей из общества высокой НТР в дикую окружающую природу. И писатель рисует незнакомый героям в машинном царстве, естественный мир — леса, воды, болота, равнины, горы, бури и тишину с такой силой и значением, что этот естественный мир становится главным действующим лицом повести, а сами люди проявляют себя лишь в борении и дружбе с ним. И в «Побеге» природа разных эпох, не нарушенная человеком, становится во многих главах основным персонажем, лишь принимающим в свою среду странствующего по ней и покоряющегося ей нового Агасфера. А в уже

упоминавшейся «Части этого мира» многоипостасный человек Лех — Кисч — Пмоис, вырвавшийся в естественный мир, быстро сам преображается. Природа его окружения скудна, почти пустыня — никакого сравнения с роскошной автоматизированной цивилизацией, которую он покинул. Но та цивилизация превратила его в диковинного урода, нищего пленника среди таких же диковин механизированного ада, а на бедной природе он возрождается, очеловечивается, становится просто Лехом, самим собой, из искусственного создания, совместившего в себе несколько чужих интеллектов.

Эта ярко показанная Гансовским животворящая, возрождающая роль природы, которая ликвидирует уродства искусственного мира, больше всего роднит его творчество с духом и обычаем художественной литературы. Прежде всего, как я уже указал, русской, а также с лучшими образцами литературы мировой. Напомню, что в знаменитой пьесе Шекспира «Как это вам понравится?» группа изгнанных аристократов скрывается в густом Арденнском лесу, а их преследователи вступают в тот же лес, чтобы довершить уничтожение врагов. Но волшебная природа леса меняет души его обитателей. Сердца беглецов и преследователей смягчаются, недавние враги становятся искренними друзьями.

Замечательный русский фантаст Север Гансовский, истинный представитель художественной литературы), заслуживает того, чтобы выйти к читателю полным собранием своих произведений — а для начала хотя бы солидным сборником избранных лучших вещей.